



КАЗИН Филипп Александрович

КОНЕЦ «ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА» ИЛИ «СЕРАЯ ЗОНА» ЕВРОПЫ?

Об авторе:

Руководитель аналитического отдела Балтийского исследовательского центра. Кандидат исторических наук. Окончил факультет международных отношений СПбГУ.

В 90-е годы в России среди демократической общественности была чрезвычайно популярна **теория переходного периода** (ТПП). Она, по сути, играла роль академического обоснования и фундамента социально-экономических и политических реформ. Согласно теории, восточнославянские государства (Белоруссия, Россия и Украина) к концу 90-х годов должны были подойти к этапу консолидации, демократии и медленно, но верно двигаться в сторону социально-экономического и политического устройства западноевропейского или американского образца. При этом считалось, что это движение не только оправданно и естественно, но его цели принципиально достижимы в обозримые исторические сроки.

Однако в конце 90-х годов данная схема оказалась под огнем критики во многих странах **в связи с очевидным несоответствием теории и практики**. Вместо восхождения к демократии **наметилось устойчивое движение к новым авторитарным режимам** в форме олигархических, семейных, клановых, этно-национальных и прочих диктатур. Более того, усугубляющиеся проблемы бедности, голода, болезней, безработицы, неграмотности содействовали тому, чтобы там никогда не сформировались ни демократия, ни гражданское общество, ни правовое сознание.

Можно выделить два основных направления критики ТПП. **Первое** – условно назовем его **академическим** – представлено в работах Т. Кэросэрса и С. Коэна¹. **Второе** – **идейное**, носящее более широкий характер, чем критика собственно ТПП как таковой, – основывается на философско-политологических взглядах А. С. Панарина².

Основной тезис **академического направления** состоит в том, что к концу 90-х годов XX века концепция глобального «переходного периода», или «третьей вол-

ны», исчерпала свой аналитический потенциал и, будучи использованной американским политологическим сообществом для анализа трансформаций в Центральной и Восточной Европе, по сути, представляла собой не анализ, а идеологию. В течение последнего десятилетия XX века **желаемое выдавалось за действительное**. В то время как американские аналитики писали о демократизации, а также социально-экономической и политической модернизации, происходило обратное – **перерождение и реанимация авторитарных режимов** на новых началах, социальная поляризация и экономическая демодернизация. Причина того, что реальность игнорировалась американскими экспертами, по мнению С. Коэна, заключалась в их политической ангажированности³. США всемерно поддерживали и развивали миф о глобальной демократизации, т. к. он способствовал закреплению их гегемонии после окончания холодной войны. **ТПП сыграла**, таким образом, **роль интеллектуального прикрытия для американской внешней политики**. Т. Кэросэрс высказывается по этому поводу более сдержанно, говоря лишь, что концепция, мобилизованная в конце 80-х – начале 90-х годов для осмысления событий в мире и обоснования американской политики «мировой демократической революции», устарела и требует пересмотра⁴.

Оба автора абсолютно обоснованно критикуют современную реальность в «переходных» странах. Они отмечают отсутствие социального единства, гражданского общества, рыночной экономики, реально работающих правовых механизмов и т. д. Последовательное ухудшение ситуации в этих сферах приводит к возникновению политической «серой зоны», в которую попадает большинство (около 85 из 100) стран, вставших на путь реформ, но не добившихся успеха⁵. Само понятие «серая зона» является метафорой, отражающей наличие еще «черной» и «белой» зон, т. е. пространств устойчивого тоталитаризма и демократии. Переход из первого во

¹ Carothers T. The End of the Transition Paradigm, Journal of Democracy, 13.1.2002;

Коэн С. Провал крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России. М., АИРО-XX, 2001.

² Панарин А. Искушение глобализмом, М., 2002; Панарин А. Россия в циклах мировой истории. М., МГУ, 1999; Панарин А. Православная цивилизация в глобальном мире // Москва, №12, 2001.

³ Коэн С. указ. соч., с. 22.

⁴ Кэросэрс Т. указ. соч., с. 6.

⁵ Там же, с. 7.

второе – т. е. достижение стандартов западноевропейской или американской демократии – в принципе возможен, однако не для всех. В этом – важнейшее отличие позиции Т. Кэросэрса от ортодоксальной ТПП. С. Коэн, со своей стороны, считает, что именно **стремление модернизировать Россию по американской модели** стало одной из причин провала проекта. Сказанное означает, что авторы, каждый по-своему, отрицают лишь всеобщность парадигмы, т. е. идею о том, что **все** страны способны трансформироваться по западной модели. Кэросэрс полагает, что государства «серой зоны» навсегда в ней останутся (западный демократический эталон достижим не для всех), а С. Коэн пишет, что выходом для России может быть отказ от трансформационной стратегии, навязанной России в начале 90-х годов (радикальный монетаризм – отнюдь не единственный возможный путь трансформации)⁶. В то же время, оба автора фактически **констатируют консервацию разделения мира** на более и менее продвинутые регионы с точки зрения стандартов демократии.

Вспоминая на этом фоне нашумевшую статью Т. Грэхэма «Вопросы из Вашингтона: есть ли у России достаточно уверенности в своих силах, чтобы вести конструктивный разговор с США?»⁷, трудно отделиться от мысли, что критика ТПП в версии Коэна и Кэросэрса появляется вполне в соответствии с политическим моментом, как в свое время возникла, собственно, сама теория. Нельзя не обратить внимание на то, что критика появляется в тот момент, когда кризис, к которому привела политика «либерального большевизма» в России, становится абсолютно очевидным. Идеинный смысл трех работ – Коэна, Кэросэрса и Грэхэма, – таким образом, состоит в призыве **отказаться от иллюзий и признать**, что в результате двенадцати лет постсоветского развития Россия, наряду с целым рядом других «переходных» стран, оказывается в «серой политической зоне» (а также экономической, идейной и т. д.). Каждый из авторов вносит свой вклад в эту констатацию.

1. Т. Грэхэм: США более не воспринимают Россию как равного партнера, т. к. последняя слаба политически, экономически и стратегически.

2. С. Коэн: Теория и практика ТПП стала в лучшем случае прикрытием, а в худшем – рецептом социально-экономической и политической катастрофы в России 90-х годов.

3. Т. Кэросэрс: Надо смириться с тем, что лишь меньшинство стран когда-либо успешно завершат процесс демократического транзита, а большинство (в том числе Белоруссия, Украина и, возможно, Россия) навсегда останутся в «серой политической зоне».

Эти три тезиса свидетельствуют о том, что Россия зашла в тупик, который, скорее всего, непреодолим, по крайней мере, в рамках методологии ТПП. Следовательно, альтернатива состоит либо в признании собственной исторической несостоятельности, либо в поиске иного подхода, который показал бы путь выхода из тупика. Этот подход к критике ТПП – идейный – опирается на тезис о том, что глобальное будущее демократии вовсе не столь однозначно даже для стран Западной Европы и Северной Америки. Более того, вполне реальной является перспектива формирования жесткого авторитарного и даже диктаторского миропорядка. Суть идейной критики ТПП состоит в том, что в условиях глобализации обще-

человеческие ценности демократии и социальной справедливости будут все чаще сталкиваться с авторитарно-коммерческими интересами крупных игроков мирового рынка – ведущих государств и транснациональных корпораций. Более того, функционирование мировой капиталистической экономики в информационную эпоху будет все более препятствовать реальной демократизации, т. к. **демократия дорого стоит**, а ресурсов планеты попросту не хватит на то, чтобы оплатить повсеместное существование демократических режимов. **Кто-то всегда должен будет работать бесплатно, в нечеловеческих условиях**, поскольку дешевле к этому принудить, чем предоставить вознаграждение и социальные стандарты на уровне богатых стран «золотого миллиарда». Встает очевидный моральный вопрос, поднятый еще в XVIII веке А. Радищевым и другими противниками крепостничества в России: *«Разве можно быть счастливым, когда вокруг столько несчастных?»*.

У данной проблемы существует и другая грань: можно ли говорить о демократизации в переходных странах как ключевой цели развития, если глобальное движение в сторону демократического миропорядка отсутствует? Насколько устойчива в долгосрочной перспективе модель мироустройства, в котором есть мир избранных, которое живет по демократическим законам, но за счет жесткой авторитарно-рыночной эксплуатации «низов»? Конечно, история ничему не учит. Однако цинизм современного общества, в отличие от древнегреческого рабовладельческого или русского крепостнического, состоит в том, что тогда, по крайней мере, все признавали, что существует два мира – рабов и господ. Сегодня мы вернулись к этому состоянию, но не находим смелости это признать. Общества стремятся к демократии не потому, что этот строй справедлив более, чем какой-либо другой, а потому, что сегодня он связан с богатством и процветанием, дающими, кроме всего прочего, доступ к контролю за распределением мировых ресурсов. Иными словами, **двойной стандарт в отношении демократии является опаснейшим признаком постепенной трансформации ценностной системы**, основанной на фундаментальной идее равенства, в набор формальных процедур, за которыми могут скрываться любые антидемократические действия в отношении стран, не принадлежащих кругу «избранных».

Среди сторонников данной точки зрения выделим российского политолога А. С. Панарина, который давно пишет о милитаризации западного общества как о форме его современного антидемократического развития⁸. В чем же принципиальное отличие его идей от позиций Кэросэрса и Коэна? Прежде всего, в том, что если для последних критика ТПП связана с честным признанием недостижимости демократического стандарта «центра» для стран «периферии», то для Панарина сам стандарт представляется иллюзорным с точки зрения его демократичности. Действительно, если **потребительское общество** (ориентированное на получение максимального количества материальных благ при минимальных издержках) **приходит на смену гражданскому** (готовому жертвовать материальным благополучием ради идеалов свободы, равенства и братства), то **ценности демократии как таковой девальвируются**. Если максимизация выгоды и извлечение прибыли есть конечная цель любой деятельности, то всевозможные рамки (моральные, юридические, политические и т. д.), созданные, в том числе, и

⁶ Кэросэрс Т., указ. соч., с. 16; Коэн С., указ. соч., с. 79.

⁷ Грэхэм Т. Вопросы из Вашингтона: есть ли у России достаточно уверенности в своих силах чтобы вести конструктивный разговор с США? // Независимая газета, 21.03.2001.

⁸ Панарин А. Православная цивилизация в глобальном мире // Москва, № 12, 2001.

гражданским обществом, теряют свою привлекательность, а затем и значение. В результате многогранная ценностно-насыщенная мозаика человеческих отношений в мире редуцируется до состояния глобального рынка, который качественно мало чем отличается от рынка колхозного (с его коррупцией, монополизмом, моральной неразборчивостью и т. д.). **Реальность рынка не совместима с демократией и социальной справедливостью**, на которых основывается современная западная социальная гармония и стабильность. С дальнейшим вытеснением демократических ценностей рыночными западное общество, прежде всего, в сфере его отношений с не западными, будет становиться все менее демократичным и все более авторитарным. Иначе ему не удастся сохранить нынешний уровень благосостояния.

Развал СССР, несомненно, способствовал крушению последней светской идеологии, основанной на перспективе всеобщего социального равенства⁹. Нынешняя невысказанная мирофилософия намного проще: раз ресурсов на всех не хватает, то и общество делится на привилегированное космополитичное меньшинство и всех остальных. Так в мире постепенно формируется **диктатура мировой элиты**, лишенной национальной идентичности и **проводящей политику неорасизма**. Ее суть состоит в том, что не попавшие в состав элиты, независимо от национальной принадлежности, становятся людьми второго сорта с соответствующим уровнем жизни и реализации их прав. При этом речь вовсе не обязательно идет о каком-либо мировом заговоре и т. п. Такая система возникает постепенно, сама собой, т. к. является наиболее удобной и естественной для мировой элиты, объединенной новой мега-идеологией – идеологией потребления.

Какое отношение сказанное имеет к ТПП? Представляется, что такая трактовка глобальных процессов современности превращает ТПП в не более чем академическую утопию, основанную на вере в светлое капиталистическое будущее всего человечества, либо в элемент мондиалистской пропаганды, направленный на создание в странах мировой «периферии» иллюзий возможности получения равного доступа к благам цивилизации «центра». В то же время, **процесс мирового социально-экономического расслоения**, стремительной модернизации одних обществ и последовательной демодернизации других отнюдь не способствует формированию более справедливого мироустройства. Мы достигли нового этапа социально-экономической истории человечества, когда рынок более не способствует демократии, а, наоборот, противодействует ей. Прежде всего, это связано с тем, что богатые страны не в состоянии наращивать уровень производства – в соответствии с растущими потребительскими запросами своих граждан – без ужесточения экономической, экологической и интеллектуальной эксплуатации бедных стран. Отличие глобализации как высшей стадии империализма от империализма классического состоит в том, что **контроль за неоколониями осуществляется не только военными средствами, но также экономическими и информационными**. Идеиную основу такой системы составляет идеология потребления и максимизации прибыли, поскольку все иные идеологии (национальные, религиозные, традиционалистские, социалистические и т. п.) постепенно размываются массовой поп-культурой – рекламой глобализации – ключевым

инструментом ценностного «пиара», осуществляемого на пространстве «периферии» в интересах «центра».

Следовательно, причина кризиса ТПП состоит не в том, что теория не в состоянии объяснить причины провала «перехода» в десятках стран, а в том, что **оказались ложными ее фундаментальные основы**, восходящие к теории модернизации, связанные с перспективой достижения справедливого демократического общества **для всех**. Идея «транзита» сыграла роль десятилетней интеллектуальной компенсации за крушение идеалов победы мировой социалистической системы. ТПП давала ее сторонникам надежду на то, что общества, отказавшиеся от социалистической идеи всеобщего благоденствия, получат шанс приобщиться к ее капиталистической версии при условии следования рецептам Вашингтонского консенсуса. В действительности же оказалось, что **их практический смысл состоял в обеспечении максимальной открытости постсоветских экономик и их включения в систему мирового капиталистического разделения труда на ролях поставщиков дешевой рабочей силы, сырья и рынка сбыта**. Образ политической и экономической модернизации России десять лет гипнотизировал интеллектуалов и политиков. Когда доминирование идеологизированной аналитики закончилось, дело уже сделано: демодернизация экономики, социально-экономическая диспропорция, демографическая катастрофа, рост преступности демонстрировали беспрецедентный для XX века уровень упадка в мирное время.

Одним из важнейших элементов ТПП был тезис о построении новых наций и государств (nation and state building) в Восточной Европе как необходимой предпосылке демократизации и рыночных преобразований. Ключевым элементом этого процесса являлось укрепление национального самосознания белорусов и украинцев и **преодоление** так называемого **«братского комплекса» по отношению к русскому народу**¹⁰. Последний также должен был преодолеть указанный комплекс для очищения от имперского греха прошлого. Иными словами, **превращение трех братских народов в народы, не помнящие родства**, объявлялось одной из предпосылок их демократического перерождения. Более того, желание белорусского народа поддержать своих национал-радикалов из БНФ и позитивное отношение к интеграции с Россией объяснялись национальной несознательностью¹¹. Широкое распространение подобных тезисов в западной и, что удивительно, в российской политологии середины 90-х годов, несомненно, сыграло свою роль в кризисе интеграции в данный исторический период. ТПП как теоретическая основа этих взглядов использовалась, по сути, в качестве научного обоснования продуктивности отдаления российского, белорусского и украинского народов друг от друга как необходимого условия эффективной и быстрой демократизации.

Таким образом, ТПП в 90-е годы XX века была использована для того, чтобы на академическом уровне способствовать демодернизации и дезинтеграции постсоветского пространства. В настоящее время Запад всемерно способствует усугублению этих процессов, не осознавая, что в долгосрочной перспективе дестабилизация восточнославянского мира противоречит не только логике мирового интеграционного процесса, но и объективным интересам самого Запада.

¹⁰ См. например: Мошес А. Российско-украинские отношения. К новой модели без старого груза // Полития, №1 (19), 2001.

¹¹ Фурман Д., Буховец О. Белорусское самосознание и белорусская политика // Свободная мысль, №1, 1996, с. 59.

⁹ Wojcun M., Where Is Ukraine? Civilization and Ukraine's Identity, Problems of Post-Communism, Vol. 48, №5, 2001, p. 44.